

Аргументы и факты — 1999 — ноябрь (№4) — с. 9

Андрис Лиепа,

«СЫН ЗНАМЕНИТОГО ОТЦА»

ЗА ЧТО БЫ ни брался Андрис ЛИЕПА - постановка балетных спектаклей, и не где-нибудь, а в прославленной Мариинке, главные роли в художественных фильмах (в «Коротком дыхании любви» его партнером был сам Даниэль Ольбрыхский), работа в драматических спектаклях (в Японии он сыграл Сергея Есенина) - во всем ему сопутствует успех. А недавно Андрис и вовсе удивил, поставив шоу-концерт поп-звезд «60 лет ВДНХ».

- Почему вы променяли балет на эстраду?

- Зря вы говорите об эстраде таким уничижительным тоном. Настоящая эстрада - это большое искусство. В Америке и в Европе страшного слова «попса» не существует. Мне нравятся слова Вольтера: «Все жанры хороши, кроме скучного». В ближайших моих планах - поставить что-нибудь к открытию храма Христа Спасителя.

- О вас говорят как об очень религиозном человеке. Вы верующий с детства?

- Нет. Хотя бабушка крестила меня, когда я был совсем маленьким. Но окончательно уверовал я в Санкт-Петербурге, когда получил травму ноги. А если у человека случаются какие-нибудь несчастья, он часто обращается к Богу. Я не исключение. Знаете, есть такое выражение: «Нет атеистов в шторм на корабле». Сегодня, перед тем как заняться каким-нибудь проектом, я обязательно спрашиваю благословение у моего духовного отца. И после этого все получается.

- Говорят, вы собираетесь поменять гражданство.

Фото Сергея ИВАНОВА

- Мне так надоели эти разговоры! Дело в том, что в Латвии существует такой статус, как «почетное гражданство». Латвийская национальная опера, после того как я поставил там несколько спектаклей, обратилась в сейм с просьбой предоставить мне такое гражданство. У меня ведь латышские корни - папа латыш. И мне очень приятно, что сегодня я получил то, что мне полагается по рождению. Если бы не почетное гражданство, моя

дочь не могла бы быть латышкой. И фамилия Лиепа ушла бы из страны. Негативная реакция прессы непонятна. Впрочем, мне к этому не привыкать. Когда я уходил из Большого театра и уезжал работать в Америку, журналисты тоже писали, что я чуть ли не предаю Родину.

- А почему вы ушли из Большого? Вас «попросили»?

- Я проработал в Большом 8 лет. На мой уход из театра повлияло знакомство с Рудольфом Нуреевым. Он как-то сказал мне: «Это страшно, когда в конце жизни ты понимаешь, как много не успел сделать». Эта фраза буквально «проросла» во мне, и когда Михаил Барышников предложил поработать у него в «Нью-Йорк сити балет», я пошел в Министерство культуры и попросил выпустить из страны. Самое странное, что все получилось. В Америке меня называли «Перестройка-кид», то есть дитя перестройки. Потому что я был первым, кому в горбачевской России разрешили свободно уехать.

- Когда вы поступили в Большой театр, судьба отца вас от него не отвращала? Великого Мариса Лиепу Григорович без объяснений выгнал из театра...

- Я не знаю, что произошло между отцом и Григоровичем. Они настолько самозабвенно работали вместе, а потом какая-то кошка пробежала между ними. Я с Григоровичем общался на другом уровне, и он не напоминал мне,

что я сын человека, с которым он не хочет разговаривать. И в то же время общение с Григоровичем не мешало мне оставаться сыном Мариса Лиепы. У меня никогда не было комплекса «сына знаменитого отца». Я понимал, что на меня всегда будут смотреть с повышенным вниманием, через увеличительные стекла. Это заставляло меня выкладываться не на сто, а на двести процентов. На мне до сих пор лежит двойной груз. Если я ставлю спектакль, то отдаю себе отчет, что придется смотреть не только мою постановку, но и работу сына Мариса Лиепы.

В балете невозможно выехать за счет родительской славы. Балет - это серьезный бизнес. И если ты не можешь вынести той нагрузки, которая на тебя возлагается, то вылетаешь из него. Сегодня мне 37 лет, а для меня важно вовремя уйти со сцены. Наша профессия очень жестока. Я уже не могу танцевать, как раньше.

- Когда вас ругает критика, сильно переживаете?

- Я родился в балетной семье и изначально был готов и к критике, и к зависти. Я же всегда был на виду и хорошо знал, что бывают не только друзья, но и враги. Но меня это не останавливает делать те добрые дела, которые помогают совершать Господь. Когда меня кто-то ругает или у меня появляются проблемы, я, как волк, заползаю в нору и сам зализываю свои раны.

- Когда у вас был последний спектакль?

- В этом сезоне, в Мюнхене, где живут родители моей жены. Мы танцевали с Катюшей «Жар-птицу». Выйти на сцену для меня еще не проблема. Но надо ли мне это - вот вопрос.

- И когда вы собираетесь на него ответить?

- Мама хочет, чтобы я продолжал танцевать. А мне кажется, что всему свое время.

Игорь ИЗГАРШЕВ